

УДК 94.470 “1920/1960”
DOI: 10.17323/19988613/73/4

Д.М. Нечипорук

ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В 1920–1960-е гг.

*Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611
«Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».*

Исследуется восприятие пространства Сибири американскими журналистами в 1920–1960-е гг. Изучается процесс распространения в американской прессе новых образов сибирского пространства и территории, которые отличались от стереотипного восприятия Сибири как холодного тюремного края. Анализируются газетные публикации, посвященные описанию Сибири как обширного края с большим количеством полезных ископаемых.

Ключевые слова: Сибирь, пространство, освоение, американская пресса, СССР, США.

С самого начала освоения и колонизации Сибири эта обширная территория воспринималась российским государством как источник богатств, которые приносили прибыль в казну [1. Р. 78]. В XVIII в. российский историк В.Н. Татищев провел европейско-азиатскую границу от р. Дон до Уральских гор, в результате чего естественная граница между Уралом и Сибирью стала границей между Европой и Азией, отделяя «Сибирь от России» [2. С. 49–50]. Восприятие Сибири как азиатского пространства, находящегося за пределами европейской России, оказало огромное влияние на восприятие края в последующем как внутри самой страны, так и за рубежом [3]. В процессе рефлексии над географическим положением Российской империи в XVIII–XIX вв., на фоне возвышения Санкт-Петербурга как столичного европейского города одновременно происходила «ориентализация» Сибири, которая стала восприниматься как далекая имперская окраина, наподобие Перу или Бразилии [4. С. 770]. Практика ссылать преступников, уголовных и политических, в Сибирь дала еще один важный образ края как тюрьмы, где заключенные, содержащиеся в жестких условиях, обречены на лишения, страдания и смерть. Этот образ получил большую популярность на Западе в конце XIX в., в особенности в англо-саксонских странах, благодаря книге американского журналиста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» [5]. Наконец, потребность России в развитии экономики на окраинных территориях в последней трети XIX – начале XX в. в контексте бурного роста мировой экономики побудило государство вкладываться в инфраструктурное освоение пространства Сибири, прежде всего в строительство Транссиба, которое растянулось на несколько десятилетий [6]. В начале XX в. Сибирь все больше привлекала западных инвесторов и предпринимателей [7. С. 164]. Однако впечатляющий рост экономики был прерван в результате Первой мировой войны и Гражданской войны на территории Сибири. После окончания войн Сибирь вновь стала восприниматься как далекий и отсталый край, куда новая советская власть, так же как и ранее царская, отправляет в за-

ключение уголовников и политических врагов большевизма [8–10].

В статье будет показано, как американские журналисты, сумевшие посетить Сибирь в 1920–1950-е гг. поменяли восприятие ее образа в американской печати. Продолжая показывать Сибирь как место ссылки и заключения, журналисты все чаще писали о планах развития Сибири советской властью. Освещая процесс экономического преобразования территорий, корреспонденты рассказывали читателям о грандиозных планах индустриального развития Сибири и открытии новых месторождений полезных ископаемых. В контексте «холодной войны» и противостояния с США значение и важность Сибири начиная со второй половины 1940-х гг. было переосмыслено как формирование стратегического закрытого пространства, где Советский Союз планирует размещать новые военные предприятия и воинские части. Послевоенный изоляционизм Советского Союза от западного мира привел к тому, что часть промышленных и научных центров Сибири и Урала в послевоенное время была закрыта для иностранцев. Открытые же для посещения города и населенные пункты Сибири уже в послесталинское время становились своеобразной витриной, по которой корреспонденты судили об успехах и трудностях развития обширного края.

В самом начале 1920-х гг., когда советская власть только утвердилась в Сибири, американские журналисты писали о разрухе и деградировавшей инфраструктуре в главных сибирских городах, отмечая при этом постепенное улучшение ситуации с продовольствием и железнодорожным сообщением [11–13]. Путешествие на поезде был основным способом передвижения по Сибири, так как авиация в 1920-е гг. для сообщения между населенными пунктами еще активно не использовалась. Хотя летом 1921 г. большевики перенесли административный центр Западной Сибири из Омска в Новониколаевск, бывшая столица правительства А.В. Колчака еще долго воспринималась американскими корреспондентами как главный сибирский город [14].

В конце 1920-х гг., после частичного восстановления советской экономики от последствий Гражданской войны, в американской печати стали вновь появляться пространные статьи о природных богатствах Сибири и ее будущем процветании, совпавшие по времени с началом выполнения первой пятилетки [15–16]. Американский обозреватель «Лос-Анджелес Таймс» Гарри Карр положительно воспринял тот факт, что у власти в Советском Союзе единолично утвердился И.В. Сталин, «практический материалист», заинтересованный в привлечении высококвалифицированных зарубежных специалистов для развития советской экономики. Карр рассчитывал, что калифорнийские предприниматели и бизнесмены смогут принять участие в освоении сибирских богатств [16]. На протяжении 1930-х гг. уверенность американских журналистов в перспективах Сибири благодаря ее неисчерпаемым ресурсам продолжала укрепляться. Серия статей корреспондента Уильяма Филиппа Симмса, посетившего Сибирь в 1934 г., давала гораздо более оптимистичное представление о будущем края и развитии его промышленного потенциала по сравнению со статьями, посвященных Сибири в 1920-е гг. Симмс, посетив все главные города, расположенные на транссибирской дороге, рассказывал читателю о грандиозных планах Советского Союза «покорить Восток, потратив миллиарды рублей во время Второй пятилетки», чтобы остановить военную и экономическую экспансию Японии на Дальнем Востоке [17]. Статьи о перспективах освоения пространства Сибири дополнялись известиями в американской печати об открытии в разных местах новых месторождений металлов, нефти, мышьяка [18–19].

Вторая мировая война окончательно превратила Сибирь в важнейший индустриальный регион, в котором были размещены эвакуированные из европейской части предприятия, необходимые для производства военной продукции. Через Сибирь были налажены стратегические поставки вооружения и продовольствия. Тесное взаимодействие в рамках ленд-лиза Советского Союза с США как главным союзником по антигитлеровской коалиции породило у американцев надежды на продолжение сотрудничества и после окончания войны. Вице-президент США Г. Уоллес, посетивший Сибирь в мае–июне 1944 г., в момент, когда западные союзники открывали Второй фронт, предложил Советскому Союзу после войны начать развивать экономическое сотрудничество в Тихоокеанском регионе, который, по мнению вице-президента, охватит территорию от Миннеаполиса до Аляски в Новом Свете, а в Азии распространится на Сибирь и Китай [20–21]. Уоллесу вторил президент американской Торговой палаты Эрик Джонстон, посетивший Урал и Сибирь летом 1944 г.: «Сибирь напоминает мне мою страну, у нее блестящее будущее» [22]. Джонстона сопровождали американские журналисты, в том числе молодой корреспондент Гаррисон Солсбери, посетивший Свердловск, Магнитогорск, Омск и Новосибирск. В своих статьях Солсбери отмечал стремительный рост промышленного потенциала городов Урала и Сибири, в которых разместились эвакуированные из Европы промышленные предприятия.

Журналист считал, что война помогла Новосибирску ускорить развитие и получить большое количество рабочих рук, что будет и дальше подспорьем для экономического развития города [23]. В результате радушного приема на Урале и в Сибири Солсбери оптимистично оценивал советско-американские союзнические отношения, выражая надежду от имени Торговой палаты и от себя лично, что такие визиты помогут укрепить послевоенное сотрудничество [24].

Однако радужным планам американцев по взаимовыгодному развитию Сибири не суждено было сбыться. Советско-американские отношения после окончания Второй мировой войны стали ухудшаться из-за диаметрально противоположных взглядов на вопросы послевоенного урегулирования, и очень быстро две великие державы оказались в состоянии «холодной войны». Сталин сознательно выбрал курс на жесткую изоляцию от внешнего мира, который проявился и в том, что иностранцам с 1948 г. было запрещено без специального разрешения покидать Москву. Запрет касался не только журналистов, но и дипломатов [25. Р. 934–935]. Незадолго до запрета впервые за три года сотрудники американского посольства получили разрешение на посещение нескольких советских городов, включая Омск, и эта поездка состоялась поздней осенью 1948 г. [26]. В 1949–1952 гг. Сибирь превратилась в закрытую от иностранцев территорию, в которую было невозможно попасть. В 1952 г. произошел показательный случай с канадским журналистом Жераром Филионом и несколькими иностранными гостями, которые делали пересадку в омском аэропорту. Ожидая рейс около двенадцати часов, они не смогли выбраться в Омск для прогулки. Мотивы отказа сопровождающих сотрудников были непонятны для иностранцев. Журналист решил, что город – не самое приятное место для посещения, хотя причина отказа была именно в тотальном запрете для иностранцев без специального разрешения посещать города [27].

После окончания войны Сибирь в американской прессе все чаще стала восприниматься как ключевая часть Советского Союза, значение которой, как военное, так и экономическое, будет только расти [28–30]. В статьях военных экспертов, опубликованных в 1940–1950-х гг., Сибирь уже анализировалась как важнейший стратегический и военный регион, который активно развивается [31–32]. Поскольку отношения между СССР и США стали очень напряженными в начале 1950-х гг., Сибирь рассматривалась как огромная военная база и армейский плацдарм для продвижения, если бы СССР решился превратить корейскую войну в полномасштабную войну на Тихом океане [33]. Образ Сибири как мощной базы, откуда можно было бы нанести атомный удар по Америке, получил распространение в 1950–1951 гг., в самый разгар вооруженного конфликта на Корейском полуострове [34–35]. Весной 1951 г. ряд американских газет опубликовал подробную карту региона под характерным названием «Новая роль Сибири в мировой политике». Это была военная карта, где были отмечены железнодорожные пути, авиабазы, сырьевые месторождения и производства [36].

После смерти Сталина, летом 1953 г., советское правительство сняло некоторые ограничения на поездки иностранных дипломатов и корреспондентов, но значительная часть территории страны по-прежнему была недоступна для иностранцев. Не были открыты для посещения уральские города, в Сибири закрытыми оставались Иркутск, Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск [37]. Сам список не разрешенных для посещения мест позднее корректировался, однако некоторые сибирские города остались закрытыми вплоть до распада СССР в 1991 г. Показательно, что первой американкой, воспользовавшейся возможностью относительно свободно путешествовать по европейской части страны, была дипломат Перле Места, прибывавшая в Москву незадолго до снятия ограничений. Начиная с осени 1953 г. путешествовать по Советскому Союзу начали американские журналисты, которые давно хотели увидеть страну изнутри, посетив удаленные от столицы города и области, включая азиатскую часть. Специальный корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Солсбери девять лет спустя вновь поехал в Среднюю Азию, побывав как там, где он уже был в составе делегации Торговой палаты, так и в новых местах, где, по его признанию, вообще ранее не было иностранных репортеров [38].

Возможность отправиться в путешествие по Советскому Союзу после смерти Сталина воспринималась американскими журналистами иначе, чем в довоенное время и в годы общей борьбы с нацизмом. После начала «холодной войны» американцы стали воспринимать Советский Союз как конкурента, пытаясь понять и оценить его преимущества и недостатки по сравнению с США. Корреспонденты, которые жили в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Москве, оказались в атмосфере подозрительности к иностранцам и особенно к американцам. Иностранные репортеры были изолированы от контактов с советскими гражданами, а главными источниками информации были официальная советская пресса и радио. Все статьи и заметки, отправлявшиеся для публикации на родине, проходили цензуру Главлита. В позднесталинскую эпоху запросы специальных корреспондентов властям на поездки по Советскому Союзу оставались без ответа, и всем без исключения журналистам могло быть в любой момент отказано в продлении советской визы. Поэтому неудивительно, что послабления для иностранцев давали шанс познакомиться со страной, а также увидеть своими глазами, как живут люди за пределами Москвы [39].

Сибирь была одним из первых регионов, куда отправлялись иностранные журналисты, чтобы открыть заново этот край для себя и читателей своих изданий. Восприятие Сибири было иным по сравнению с довоенными десятилетиями. В 1950–1960-е гг. образ далекого, урюмого региона с мрачной историей был дополнен образом динамично развивающегося края, где живут более открытые и прямые люди по сравнению с европейской частью России. Репортаж о путешествии по Сибири сопровождался фотоиллюстрациями и наглядными картами районов или маршрута, по которому передвигались журналисты. Карта не только давала общее представление о размерах Сибири, но и

делила пространство на открытое и закрытое для иностранцев. При этом список городов, открытых для посещения, вновь предварительно согласовывался с МИД и МВД [40].

Гаррисон Солсбери был первым американским корреспондентом, отправившимся в большое путешествие по Сибири в послесталинскую эпоху. В июне 1954 г. он смог посетить города Западной и Восточной Сибири Омск, Новосибирск, Якутск, Верхоянск, Оймякон, Киренск, Читу, а также побывал на Дальнем Востоке – в Хабаровске и Биробиджане. Список городов был согласован с журналистом индивидуально, поскольку Омск не входил в число городов для посещения иностранцами, а Новосибирск будет открыт для иностранцев лишь в начале 1960-х гг. Свои впечатления от увиденного и услышанного в Сибири Солсбери опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» в виде серии статей в июне 1954 г. Необходимо иметь в виду, что все материалы проходили предварительную советскую цензуру и только потом пересылались в редакцию «Нью-Йорк Таймс». Так, Солсбери своими глазами увидел тюрьмы в Чите, Якутске и Биробиджане, но статья о системе подневольного труда в Сибири была напечатана уже после возвращения корреспондента в США. В июньской отцензурированной статье Солсбери писал, что не видел трудовые лагеря и военные части [41–42]. Неудивительно, что в США к статьям Солсбери многие газетчики и политики относились с предубеждением, не доверяя написанному. Они считали, что под давлением цензуры Солсбери вынужден был отказаться от критики советских порядков [43. Р. 155–156]. Но дело было прежде всего в том, что сам журналист, несмотря на свое критическое отношение к Советскому Союзу, стремился в своих статьях взвешенно оценивать ситуацию в СССР, отмечая противоречивый характер развития страны.

Точно так же Солсбери подходил и к оценке Сибири, отмечая разнообразие условий для жизни, неравномерность освоения и большую территорию края, значительно превосходившую размеры США. Солсбери уделил особое внимание пространству Сибири, сравнивая ее с американскими географическими реалиями. Этот прием позволял лучше и понятней объяснить специфику Сибири, равно как и найти общие черты с США. По мнению Солсбери, западная часть Сибири имеет некоторое сходство с верхней частью Среднего Запада США, развитым индустриальным регионом с богатыми месторождениями железа и меди, а также лесной промышленностью. Журналист указывал, что сами жители Новосибирска называют его «сибирским Чикаго», намекая на характер развития города. Ландшафт сельской местности Западной Сибири напомнил Солсбери пограничную территорию между штатами Миннесота и Висконсин. Места для охоты и рыбалки, которые имели большое экономическое значение для Западной Сибири в середине XX в., Солсбери уподобил охотничьим угодьям в районе штатов Мэн и Мичиган [44].

История заселения и освоения Сибири была для Солсбери в чем-то аналогична продвижению пионеров на американский Запад. Отношение сибиряков к бес-

крайнему лесу было для него аналогично отношению американских пионеров к лесу на Западе во время их продвижения в начале XIX в. Путешествуя по местам, куда можно было добраться исключительно самолетом, Солсбери ловил себя на мысли, что населенные пункты вроде Киренска показались бы американским первопроходцам более понятными и родными, чем виды Нью-Йорка. Оказавшись на территории Забайкальского военного круга, Солсбери сравнил пограничное положение Читы, располагавшейся неподалеку от Монголии и Китая, с техасским Эль-Пасо, который еще в XIX в. стал важным гарнизонным пунктом на границе с Мексикой [45].

Восточную Сибирь с ее разбросанными населенными пунктами, отсутствием регулярной дорожной сети и удаленностью от Москвы Солсбери считал уникальным регионом, не похожим ни на одну часть США. Описывая разницу между Западной и Восточной Сибирью, Солсбери отмечал, что «западная часть [Сибири] выглядит как российский регион, равняющийся на столицу и интегрированный в промышленном, культурном и административном отношении с Москвой. В Восточной Сибири, субарктических районах и на Дальнем Востоке ощущаются иная атмосфера, отдаленность от Москвы и большая ориентация на крупный административный центр на Востоке – Хабаровск» [46]. Другими словами, Солсбери разделял Западную и Восточную Сибирь не только географически, но и административно, подчеркивая отсутствие прочной связи с Москвой у отдаленных сибирских регионов. Журналист отмечал противоречивость и фрагментарность освоения Восточной Сибири. С одной стороны, люди продолжали жить изолированно от областных центров в небольших населенных пунктах в маленьких деревянных избах, не имея современных удобств, а с другой – Солсбери видел, что Москва «вдохнула жизнь» в областные и республиканские центры, вкладываясь в их развитие и связав удаленные села и города авиасообщением [47].

Солсбери, как и другие американские репортеры, посещавшие Сибирь в 1950-е гг., был удивлен отсутствием коммунальной инфраструктуры и асфальтированных дорог в областных и краевых городах. Лучшие дороги, по мнению репортера, были в Хабаровске, но они были проложены только в центральной части города. Журналист обратил внимание на распространенность в Сибири велосипедов и мотоциклов, которые становились все более популярными на фоне неразвитости автомобильного транспорта. Еще хуже, по мнению Солсбери, в сибирских и дальневосточных городах обстояло дело с городской инфраструктурой. Ни в одном из посещенных городов не было газоснабжения, и, как выяснил Солсбери, планов газифицировать города не было. В Якутске не было канализационной системы из-за трудностей ее прокладки в условиях вечной мерзлоты. Сельские районы Якутии и Еврейской автономной области все еще не были электрифицированы. В Биробиджане не было ни водопровода, ни канализации. В Западной Сибири Солсбери рассказали о планах решить проблему дефицита электричества, построив за ближайшие пять лет Новосибирскую ГЭС [44].

Но Солсбери не показывал Сибирь как исключительно отсталый и неразвитый регион. Несмотря на необустроенность края в целом, американский корреспондент увидел и прогресс в качестве жизни сибиряков по сравнению с военным временем, когда он впервые побывал в Сибири. В крупных городах, по его признанию, люди жили не сильно хуже, чем в Москве. Он высоко оценил качество гражданского транспорта в Сибири, особенно отметив мобильность и охват летной территории местной авиацией, которая связывала между собой населенные пункты, удаленные друг от друга на большое расстояние. При этом в дальние населенные пункты в районе р. Лены, куда авиация не летала, центральные газеты доставлялись с большим временным опозданием. На момент путешествия Солсбери по Сибири в городах еще не было телевидения, новости узнавали по радио, которое, к удивлению американца, привыкшего к локальному радиовещанию, передавало новости напрямую из Москвы. Солсбери практически не путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку поездом, он совершил всего две короткие поездки на небольших участках маршрута, где не было авиасообщения. Путешествуя с комфортом, он обратил внимание на небыстрое передвижение состава от станции к станции [46]. В общей сложности Солсбери во время своей поездки проехал около 19 тыс. км, чтобы, как отмечалось в редакционной заметке «Нью-Йорк Таймс», подтвердить старое восприятие Сибири как «мрачного и жестокого края, в котором человеку приходится бороться с крайне суровой природой». В редакции газеты по-прежнему видели Сибирь как место царской ссылки в прошлом и территорию рабского труда (slave labor) в настоящем. Пройгнорировав положительные отзывы Солсбери об увиденном, в газете по-прежнему считали необходимым сравнивать населенные пункты Сибири с укреплениями и городами на американском Западе XIX в., служившими точками опоры при дальнейшей экспансии или оборонительными сооружениями в пограничной местности [48].

Значительно менее продолжительное путешествие только по Западной Сибири в сентябре 1954 г. известного военного корреспондента Мэгги Хиггинс, освещавшей Корейскую войну, также фокусировалось на восприятии Сибири как отсталого края. Хиггинс сумела посетить Барнаул, где столкнулась с отсутствием крана для горячей воды в гостинице и преследованием за фотографирование видов города. Вслед за Солсбери она позитивно отзывалась о воздушных рейсах между сибирскими городами. Но, в отличие от специального корреспондента «Нью-Йорк Таймс», Хиггинс выбрала принципиально другую оптику наблюдения, просто сравнивая увиденное с американскими стандартами и не вникая в специфику местной жизни. Как результат Хиггинс показала в первую очередь отсутствие комфорта для зарубежного путешественника по пути и во время нахождения в Барнауле [49].

Начавшееся со второй половины 1950-х гг. активное освоение новых территорий в Сибири поменяло восприятие края американскими журналистами. Наряду с успешным запуском Советским Союзом космического спутника, успехами в образовании индустри-

альное развитие Сибири олицетворяло новый образ Советского Союза, стремящегося догнать и перегнать США по экономическим показателям. Сибири отводилось важное место в этой гонке за первенство [50. С. 23, 42, 56]. Более открытая внешняя политика первого секретаря СССР Н.С. Хрущева повлияла на характер освещения иностранными журналистами внутренней политики Советского Союза, хотя зарубежные корреспонденты по-прежнему были ограничены в своих контактах и круге общения.

На фоне улучшения советско-американских отношений в 1959 г. и предстоящего визита вице-президента США Р. Никсона в СССР московский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Макс Франкель получил разрешение от МИД и МВД на поездку по Сибири и Дальнему Востоку с правом посещения Иркутска, Читы, Хабаровска, Биробиджана, Якутска, Олекминска. Хотя Франкель побывал в Сибири еще до открытия крупных месторождений нефти и газа, он увидел обширный край, где люди активно вовлечены в создание новой экономики в контексте соперничества с США [51]. Вояж в азиатскую часть России был важен для Франкеля из-за возможности непосредственного общения с разными людьми, что строго контролировалось, когда он находился в Москве [52. Р. 153]. Вдалеке от столицы американский журналист смог пообщаться как с местным руководством, так и с простыми людьми: авиамехаником, школьным учителем из Якутска, преподавателем физкультуры в Биробиджане, инженером, геологом. Рассказывая читателям об их интересе к внешнему миру и оптимизме относительно будущего СССР, Франкель рисовал новый образ Сибири как географически разнообразного края с большим экономическим потенциалом, который должен помочь стране обогнать США [51]. Подытоживая свои впечатления о сибиряках, Франкель писал: «русские хотят мира [с США], у них есть чувство прогресса, они одержимы технологиями и гаджетами, мечтают о ком-

форте, гостеприимны, осознают внутренние экономические реалии, и им интересно узнать о жизни за рубежом» [40. С. 16]. При этом сам Франкель, описывая социальный оптимизм советских людей в борьбе за новые цели Семилетнего плана (1959–1965) считал, что цель перегнать США по уровню жизни недостижима [53. Р. 124].

В 1960-е гг. Сибирь привлекла к себе еще больше внимания американской прессы. Открытие алмазов в Якутии, а затем нефти и газа окончательно изменило восприятие Сибири. Американские газеты стали писать о СССР как о большой нефтегазовой сверхдержаве, которая стала претендовать на львиную долю глобального мирового рынка нефти. Неудивительно, что в 1970-х гг. основное внимание иностранных репортеров, посещавших Сибирь, было обращено на нефтяные города в Западной Сибири [54–55]. Тюменская область стала ведущим нефтегазовым центром СССР, хотя еще совсем недавно Тюмень даже не попадала на карты Сибири, публиковавшиеся время от времени в американской печати. Новосибирск благодаря строительству Академгородка превратился из отдаленного сибирского города в новый главный наукоград Сибири. С середины 1960-х гг. американские журналисты регулярно посещали Академгородок, анализируя успехи Советского Союза по созданию современной науки [56–58].

Таким образом, можно утверждать, что восприятие Сибири в XX в. в американской печати претерпело заметную эволюцию. Взгляд на Сибирь как на отсталый и мрачный регион, известный своими тюрьмами и каторгой, имел широкое хождение на страницах печати в 1920–1950-е гг. Но после Второй мировой войны отношение к Сибири постепенно эволюционировало от недоверчивого и отчужденного к сочувственному восприятию края как советского фронта с большим экономическим потенциалом, где люди чувствуют себя чуть более свободными и непосредственными, чем в европейской части страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutmeyr D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost His Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. Lit Verlag GmbH & Co. KG, 2017. 314 p.
2. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1950. 248 с.
3. Diment G., Slezkine Y. Between Heaven and Hell The Myth of Siberia in Russian Culture. St. Martin's Press, 1993. 278 p.
4. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East In The Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, № 3. P. 763–794.
5. Нечипорук Д.М. Во имя нигилизма. Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб. : Нестор-История, 2018. 288 с.
6. Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. М. : МИИТ, 2001. Ч. 2. 159 с.
7. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М. : Междунар. отношения, 1990. 164 с.
8. Salt Lake Telegram. 1919. 8 Aug. P. 8.
9. Anaconda Standard. 1920. 9 Dec. P. 14.
10. Times-Picayune. 1922. 6 Dec. P. 6.
11. Pittsburg Daily Post. 1921. 11 Jan. P. 3.
12. Wilkes Barre Record. 1922. 13 June. P. 22.
13. Dispatch. 1923. 16 Oct. P. 11.
14. Evening Sun. 1924. 11 July. P. 10.
15. Kansas City Times. 1928. 23 Apr. P. 18.
16. Times (Munster). 1928. 19 May. P. 20.
17. Knoxville News-Sentinel. 1934. 17 May. P. 3.
18. New York Times. 1931. 18 Oct. P. 50.
19. New York Times. 1940. 4 Apr. P. 9.
20. New York Times. 1944. 10 July. P. 6.
21. Уманская И.А. Поездка Генри Эдгара Уоллеса в Сибирь и на Дальний Восток // Americana : сб. ст. по истории и культуре стран Американского континента. Волгоград : ВолГУ, 2009. Вып. 10. С. 151–166.
22. New York Times. 1944. 3 July. P. 1.

23. Kenosha Evening News. 1944. 17 July. P. 3.
24. Kenosha Evening News. 1944. 12 July. P. 14.
25. Foreign Relations of the United States. Washington : Gov. print. off., 1974. Vol. IV: 1948, Eastern Europe: the Soviet Union. 1161 p.
26. New York Times. 1948. 20 Nov. P. 5.
27. Des Moines Register. 1952. 15 Dec. P. 16.
28. Times (Shreveport). 1945. 31 July. P. 4.
29. Lubbock-Avalanche Journal. 1948. 22 Aug. P. 36.
30. Philadelphia Inquirer. 1948. 22 Aug. P. 2.
31. St. Louis Post Dispatch. 1948. 30 May. P. 38.
32. Knoxville News-Sentinel. 1946. 26 Nov. P. 6.
33. Arizona Republic. 1950. 17 Feb. P. 9.
34. Charlotte Observer. 1950. 15 Feb. P. 2.
35. Kokomo Tribune. 1951. 1 Nov. P. 54.
36. Times (Munster). 1951. 4 May. P. 27.
37. La Crosse Tribune. 1953. 23 June. P. 8.
38. New York Times. 1953. 6 Oct. P. 4.
39. New York Times. 1954. 2 Oct. P. 19.
40. New York Times. 1959. 30 Apr. P. 1.
41. New York Times. 1954. 27 Sep. P. 23.
42. New York Times. 1954. 24 June. P. 6.
43. Fainberg D. A Portrait of a Journalist as a Cold War Expert: Harrison Salisbury // *Journalism History*. 2015. Vol. 41, № 3. P. 153–164.
44. New York Times. 1954. 8 June. P. 5.
45. New York Times. 1954. 19 June. P. 5.
46. New York Times. 1954. 24 June. P. 6.
47. New York Times. 1954. 15 June. P. 7.
48. New York Times. 1954. 25 June. P. 20.
49. Oakland Tribune. 1954. 10, 13 Dec. P. 3.
50. Внеочередной XXI съезд КПСС : стенограф. отчет. М. : Госполитиздат, 1959.
51. New York Times. 1959. 27 Apr. P. 8.
52. Frankel M. *The Times of My Life and My Life with the Times*. Random House, 1999. 560 p.
53. Fainberg D. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Johns Hopkins University Press, 2020. 376 p.
54. Berkeley Daily Gazette. 1974. 15 Apr. P. 9.
55. Rutland Daily Herald. 1978. 29 Jan. P. 36.
56. Chicago Tribune. 1967. 16 Oct. P. 8.
57. Chicago Tribune. 1967. 17 Oct. P. 8.
58. Boston Globe. 1967. 5 Nov. P. 101.

Dmitry M. Nechiporuk, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru

THE US PRESS COVERAGE OF SIBERIA'S TERRITORY AND ITS DEVELOPMENT IN THE 1920s–1960s

Keywords: Siberia, territory, colonization, the USSR, the USA, the US press.

This article explores an evolution of perception of Siberia and its territory from the 1920s to the 1960s in the US press. The main thesis of the article is that American journalists and travelers made in a quite short span of time a remarkable change of their views on Siberia. In spite of the fact that a huge potential of Siberia was realized as early as the 1920s, the dark image of region as a cold prison area prevailed in the 1920s–1930s. The common allied interests during the Second World War changed a view on Siberia. The Americans together with the USSR expected to develop this vast region after the war as a part of the Pacific area. When Cold war started the American newspapers treated Siberia as a new important military region developing by Moscow to prevent the threats from the USA in the Pacific region.

After the death of Stalin, Soviet government removed some travel restrictions imposed on foreign diplomats and correspondents and a few of them caught an opportunity to go to Siberia. Harrison Salisbury was one of the first reporters who traveled to postwar Siberia and saw there both dark part of unequal development and the light part of progress in Siberia. He was impressed by Siberian school education, but noticed that municipal facilities were in shortage everywhere. Another correspondent of “New York Times” Max Frankel described Siberia as a land of extremes as well as a place where foreign correspondent can ask questions and receive candid answers. Frankel had a talk with various people in Siberia: aeroplane mechanic, a school teacher in Yakutia, university staff, geologist, etc. From 1960 onwards, Siberia attracted much more attention in American press than previous decades. Discovering of diamonds in Yakutia, then oil and gas in Siberia changed the role of Siberia once again. American newspapers began to write about the USSR as a big oil and gas superpower, which was eager to claim a lion's share of global world market. Western Siberia and especially Tyumen region had grown from unknown spot to prominent economic area. Novosibirsk was transformed from remote and modest Siberian town into new principal science city in Siberia. Many cities experienced extensive industrial expansion and growth, but not all of them were accessible for foreign visitors. In all, from a hostile and suspicious view on new strategic role of Siberia in the 1940s and 1950s it turned into quite sympathetic and affectionate vision of the Soviet Siberia as a progressive area in the late 1950s and the 1960s.

REFERENCES

1. Gutmeyr, D. (2017) *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost His Nobility The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878*. Wien: Lit Verlag GmbH & Co.
2. Tatischev, V.N. (1950) *Izbrannye trudy po geografii Rossii* [Selected Works on the Geography of Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury.
3. Diment, G. & Slezkine, Y. (1993) *Between Heaven and Hell The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: St. Martin's Press.
4. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Visions of the Russian East In The Early Nineteenth Century. *American Historical Review*. 96(3). pp. 763–794. DOI: 10.2307/2162430
5. Nechiporuk, D.M. (2018) *Vo imya nigilizma. Amerikanskoe obshchestvo druzey russkoy svobody i russkaya revolyutsionnaya emigratsiya (1890–1930 gg.)* [In the Name of Nihilism. The American Society of Friends of Russian Freedom and the Russian Revolutionary Emigration, 1890–1930]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

6. Borzunov, V.F. (2001) *Transsibirskaya magistral' v mirovoy politike velikikh derzhav* [The Trans-Siberian Railway in Great Power World Politics]. Moscow: MIIT.
7. Dongarov, A.G. (1990) *Inostranny kapital v Rossii i SSSR* [Foreign Capital in Russia and the USSR]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. *Salt Lake Telegram*. (1919) 8th August. p. 8.
9. *Anaconda Standard*. (1920) 9th December. p. 14.
10. *Times-Picayune*. (1922) 6th December. p. 6.
11. *Pittsburg Daily Post*. (1921) 11th June. p. 3.
12. *Wilkes Barre Record*. (1922) 13th June. p. 22.
13. *Dispatch*. (1923) 16th October. p. 11.
14. *Evening Sun*. (1924) 11th July. p. 10.
15. *Kansas City Times*. (1928) 23rd April. p. 18.
16. *Times (Munster)*. (1928) 19th May. p. 20.
17. *Knoxville News-Sentinel*. (1934) 17th May. p. 3.
18. *New York Times*. (1931) 18th October. p. 50.
19. *New York Times*. (1940) 4th April. p. 9.
20. *New York Times*. (1944) 10th July. p. 6.
21. Umanskaya, I.A. (2009) Poezdka Genri Edgara Uollesa v Sibir' i na Dal'niy Vostok [Henry Edgar Wallace's trip to Siberia and the Far East]. In: Kurilla, I.I. (ed.) *Americana*. Vol. 10. pp. 151–166.
22. *New York Times*. (1944) 3rd July. p. 1.
23. *Kenosha Evening News*. (1944) 17th July. p. 3.
24. *Kenosha Evening News*. (1944) 12th July. p. 14.
25. USA. (1974) *Foreign Relations of the United States*. Washington: United States Government Printing Office.
26. *New York Times*. (1948) 20th November. p. 5.
27. *Des Moines Register*. (1952) 15th December. p. 16.
28. *Times (Shreveport)*. (1945) 31st July. p. 4.
29. *Lubbock-Avalanche Journal*. (1948) 22nd August. p. 36.
30. *Philadelphia Inquirer*. (1948) 22nd August. p. 2.
31. *St. Louis Post Dispatch*. (1948) 30th May. p. 38.
32. *Knoxville News-Sentinel*. (1946) 26th November. p. 6.
33. *Arizona Republic*. (1950) 17th February. p. 9.
34. *Charlotte Observer*. (1950) 15th February. p. 2.
35. *Kokomo Tribune*. (1951) 1st November. p. 54.
36. *Times (Munster)*. (1951) 4th May. p. 27.
37. *La Crosse Tribune*. (1953) 23rd June. p. 8.
38. *New York Times*. (1953) 6th October. p. 4.
39. *New York Times*. (1954) 2nd October. p. 19.
40. *New York Times*. (1959) 30th April. p. 1.
41. *New York Times*. (1954) 27th September. p. 23.
42. *New York Times*. (1954) 24th June. p. 6.
43. Fainberg, D. (2015) A Portrait of a Journalist as a Cold War Expert: Harrison Salisbury. *Journalism History*. 41(3). pp. 153–164. DOI: 10.1080/00947679.2015.12059126
44. *New York Times*. (1954) 8th June. p. 5.
45. *New York Times*. (1954) 19th June. p. 5.
46. *New York Times*. (1954) 24th June. p. 6.
47. *New York Times*. (1954) 15th June. p. 7.
48. *New York Times*. (1954) 25th June. p. 20.
49. *Oakland Tribune*. (1954) 10th, 13th December. p. 3.
50. CPSU. (1959) *Vneocherednoy XXI s"ezd KPSS : stenograf. otchet* [Extraordinary the 21st Congress of the CPSU. A Verbatim Report]. Moscow: Gospolitizdat.
51. *New York Times*. (1959) 27th April. p. 8.
52. Frankel, M. (1999) *The Times of My Life and My Life with the Times*. New York: Random House.
53. Fainberg, D. (2020) *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: John Hopkins University Press.
54. *Berkeley Daily Gazette*. (1974) 15th April. p. 9.
55. *Rutland Daily Herald*. (1978) 29th January. p. 36.
56. *Chicago Tribune*. (1967) 16th October. p. 8.
57. *Chicago Tribune*. (1967) 17th October. p. 8.
58. *Boston Globe*. (1967) 5th November. p. 101.